

П. Шабаль¹, К.Б. Беков^{2*}¹ Университет города Гавр, Франция;² Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
(E-mail: pierrechabal@yahoo.fr, bekov.kairat@gmail.com)

Институциональная конкуренция в век прямой цифровой демократии

Появление прямых форм взаимодействия между гражданами и государственными учреждениями, ставших возможными и широко обобщенными с помощью цифровых средств коммуникации, вызывает неподдельный интерес. Спустя два столетия, похоже, можно предположить возможность прямой демократии, при которой результаты электронного голосования и референдума по «гражданской инициативе» (также известной как «народной») будут одинаковыми, даже если представители парламента сохраняют свой представительский мандат. Этот парадокс между «прямой демократией» и «мандатом представителя» заслуживает того, чтобы над ним поразмышляли. Речь идет о техническом развитии функционирования демократических общественных институтов или об изменениях и политическом переходе к другим способам управления? Во втором случае мы видим изменение интенсивности, близкое к тому, что произошло, когда история изобрела монархию, сдержанную конституционализмом, затем республику взамен монархии, затем всеобщее избирательное право в результате народного голосования, ранее не универсальное и т.д. В данной статье предложено изучение этой новой области, используя следующую структуру проблемы: из исторического сдвига в развитии демократии можно сделать вывод о том, что утверждение новых принципов будет происходить в свете этого «регионального явления». Предполагаемый обратный переход от представительской демократии к прямой «цифровой» демократии, несомненно, будет иметь свою региональную специфику, обусловленную различиями в историческом развитии, географическом положении и уровне цифровизации.

Ключевые слова: демократия, цифровизация, управление, электронная демократия, Евразия.

Введение

Понятие политических изменений как принцип

В общественных науках понятие изменения не так легко понять. Особенно если мы пытаемся его понять на формальном и институциональном уровне. Изменение как понятие относит нас к самому контексту и философии. Контекст изменений довольно прост. Это зависит от воли общества и его членов, которые хотят дополнить традицию, чтобы приспособиться к новым потребностям. История показала, что общество изменило свои способы производства продуктов питания и средств производства с помощью новых технологий. Помимо технического контекста, изменения также происходят благодаря новым идеям и социальным движениям, всегда конструктивным и действующим по-новому.

Философия перемен более сложна. Он может охватить все ментальное пространство, от анализа счастья, всегда мимолетного, до анализа прогресса. Вопрос, однако, двоякий: нужен ли прогресс? И, прежде всего, является ли изменение прогрессом? Здесь мы далеки от простой технологии, но близки к понятию цивилизации: как найти баланс между консерватизмом и прогрессивностью?

Институциональные изменения как практика

История также показывает, что общество меняется. Изменение принимает институциональную форму. Термин «институциональный» по своей латинской этимологии может обозначать понятие «то, что есть», и также косвенно понятие «то, что длится». В испанском эту разницу можно проследить на примере глаголов «ser» et «ester»; в итальянском языке — на примере глаголов «essere» и «strare», двух латинских языках.

XVIII век и его философы вводили новшества, оставляя спекулятивную сферу, чтобы открыть реалистические принципы управления. Особенно благодаря прикладной концепции «разделения властей», включенной в конституции мира: Конституцию Франции, Конституцию Беларуси, Конституцию Германии. Помимо Берка, Руссо, Гегеля, Канта, социальная философия установила связь между балансом институтов и стабильностью общества.

* Корреспондент автор. E-mail: bekov.kairat@gmail.com (К.Б. Беков)

В XIX веке мы видим конкретно, как монархии превращаются в сбалансированные парламентские системы. Это изменение сначала испугало чрезмерно консервативные силы. Но другие общественные силы, более многочисленные, его поддержали. Каков результат? Экономическая эволюция и улучшения на производстве, а также способность выстоять после кризисов (1929, 1974, 1997, 2008). Многолетняя история претерпевает постоянные изменения, документально подтвержденные с 3000 до 5000 лет. То же происходит и в XX и XXI вв.

Кризис либеральной демократии, с которым развитые общества сталкиваются во всем мире, видится нам очевидным. Давление, оказываемое на либеральные режимы, растет и становится все более заметным: от ощущения размывания национального суверенитета до проблем с правом на неприкосновенность частной жизни, от растущего социального неравенства и социально-экономической стабильности до усугубляющейся конкуренции между легитимностью государства и эффективностью частного сектора. Маловероятно, что полная смена политических институтов могла бы мгновенно разрешить все эти противоречия, но крайне важно изучить первые признаки новой «цифровой» демократии, которая лучше соответствовала нуждам трансформирующегося общества.

Обсуждение

Цифровая революция представляет собой вызов практически всем типам политических режимов, включая наиболее крупные на евразийском континенте. Для авторитарных стран характерными являются попытки нащупать оптимальный баланс между ограничением свободы информации и развитием «экономики знаний» основанной на свободном распространении и обмене информацией. Наиболее яркими примерами здесь служат крупнейшие государства Евразии — Китай и Россия. Если Китай сделал ставку на развитие «национального интернета», изолированного административными, техническими и языковыми барьерами, то Россия, проводя политику «суверенного интернета», пытается добиться эффективных мер «ручного управления» цифровой средой вполне в духе своей политической системы.

Но даже в этих странах наблюдаются устойчивые тенденции к переходу к прямой демократии, так как имеющиеся информационные и коммуникационные технологии неизбежно предоставляют необходимые для этого инструменты. Социальные сети, службы мгновенного обмена сообщениями и технологии потокового вещания создают условия для самоорганизации больших масс людей на низовом уровне и тем самым порождают новые формы коммуникации между государством и населением. В свою очередь, это порождает кризис традиционных институтов представительства и делегирования представительства, а также повышает процесс прозрачности властных институтов. Все эти факторы, пусть и в разной степени, имеют дестабилизирующий характер для политических систем, сформировавшихся начиная с XVIII века.

В настоящее время особенно в современной истории появилась возможность массового освоения и использования компьютеров и информационных и коммуникационных технологий и распространения цифровых технологий в обычной общественной и политической жизни. Поэтому, поскольку одновременно с этим возникло «региональное явление» [1], необходимо поставить под сомнение вторжение цифровых технологий, в том числе и за пределы образованной нации, в формирующийся регион.

В постмодернистской социальной и избирательной системе не так давно произошла эволюция. Она состоит из технологических факторов и репрезентативного эффекта. В целом, коммуникационные технологии глубоко изменили общественную жизнь. Лидеры выражаются в средствах массовой информации без пространственных и временных ограничений или почти без таковых. Граждане имеют доступ к информации и постепенно начинают использовать электронный способ для самовыражения. Во Франции электронное голосование широко используется на избирательных участках и в урнах для голосования. В будущем, возможно, граждане смогут голосовать вне избирательных участков, из их квартиры или дома, используя клавиатуру своего компьютера.

Концепция электронной демократии, по крайней мере, с точки зрения участия общественности в процессе принятия политических решений, опирается главным образом на концепции демократии участия и совещательной демократии. Сторонники демократии участия подчеркивают внутреннюю ценность политического участия и его вклад в социальную интеграцию либеральных обществ. Однако в современных либеральных демократиях политическое участие в основном реализуется в форме парламентских и представительных демократических систем, в которых формальное участие демократов в основном сосредоточено на голосовании на выборах.

Как указано выше, с точки зрения либерально-демократической теории, на переднем плане находятся инструментальные функции политического участия — законный отбор представителей, законное распределение и ограничение политической власти и эффективное принятие решений. Отношение между гражданским участием и демократической легитимностью также следует рассматривать в свете различия между легитимностью входных и выходных данных: первое зависит от механизмов, связывающих решения в политической системе с волей граждан, второе — от результатов политики, которые эффективно достигают целей, представляющих общий интерес.

Электронная демократия, как определено выше, представляет широкий спектр использования информационных технологий для поддержки демократического общения и включает в себя все уровни и способы участия общественности (отдельных граждан, неформальных групп и организаций гражданского общества). Сфера охвата простирается от более пассивных способов участия, таких как социальные сети или онлайн-мониторинг с целью информирования о событиях в обществе, обеспечения доступности и прозрачности процессов принятия решений и лежащих в их основе документов до более активных и коллективных способов, таких как вовлечение граждан в процессы принятия решений, предусматривающие процедуры онлайн-голосования, онлайн-петиций, а также онлайн-пространства для публичных консультаций, обсуждения важных политических вопросов и совместного составления политических документов. Говоря об электронной демократии, будет полезным понимание политического участия в Интернете в более широком смысле, включая как формально институционализованные механизмы, так и неформальное гражданское участие.

Первые эксперименты по применению массового удаленного голосования уже предпринимаются в разных странах. Электронное голосование показывает свою эффективность как в крупных демократических странах с большими массами избирателей, как в случае с Индией, где регистрация избирателей или подсчет голосов может представлять собой значительную проблему [2]. В то же время электронное голосование также доказывает свою эффективность и для небольших стран. Особый интерес здесь вызывают достижения Эстонии [3]. Эта страна после масштабных кибер-атак 2007 г. стала пионером в цифровизации различных аспектов государственного управления.

Последствия этой технологической эволюции, какими же они будут? Сложно сказать! Как минимум, это развитие отдалит граждан от их лидеров и их представителей. Появится конкуренция между прямой и косвенной коммуникацией, как это уже произошло с появлением радио, телевидения и т.д. Эта эволюция не была бы ни хорошей, ни плохой: называть ее «плохой» или «хорошей» было бы оценочным суждением. Но эта эволюция была бы переломом, расколом, в сильном смысле слова — «раскол», то есть без возможности возврата.

Эта социально-технологическая эволюция в национальном общении происходит в определенный момент международной жизни — в момент регионализации. Мы приведем здесь только два примера: Европа и Азия. Итак, всего три примера.

В Европейском союзе (ЕС) существует важнейшая тема: «дефицит демократии». Уже сейчас считается, что расстояние между европейскими (национальными) гражданами и европейскими (региональными) лидерами и представителями чрезмерно велико. Переход к цифровизации выбора граждан нанес бы ущерб исторической культуре западного индивидуализма. Тем не менее существующий разрыв между европейцами и европейскими институтами уже заполняется через цифровые инструменты. Однако данный процесс не всегда имеет позитивный окрас.

К примеру, во время акций протеста «желтых жилетов» во Франции государство столкнулось с проблемой отсутствия формальных лидеров данного движения, так как оно формировалось и координировалось через социальные сети по горизонтальному принципу. Таким образом, не было стороны, с которой можно было бы вести диалог. Но сами «желтые жилеты», активно проводя информационную работу через социальные сети, смогли довести свою повестку до общественного мнения. Этот случай наглядно демонстрирует, что общеевропейским и национальным институтам придется столкнуться с массой проблем при кризисе традиционной «представительской» демократии.

В Шанхайской организации сотрудничества в Азии (ШОС) ключевым фактором является избрание общей динамики, которая до сих пор не существовала в истории. Количество заинтересованных граждан (более 3 млрд) и огромные площади (более 37 млн кв. км) требуют массового перехода к оцифровке обменов, принимая во внимание разнообразие используемых языков [4, 5].

Шанхайская организация сотрудничества объединяет страны с совершенно разными социальными системами и имеет различный уровень цифровизации своих обществ. Однако эти различия могут быть преодолены именно благодаря гармонизации на основе цифровых технологий, так как дан-

ная организация включает в себя таких IT-гигантов, как Китай, Индия и Россия. В свою очередь, страны Центральной Азии также взяли устойчивый курс на построение цифровых обществ, и использование общих платформ, технологий и технических стандартов может придать новый импульс развитию сотрудничества в рамках ШОС.

В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) этот вопрос возникает в основном в экономической и торговой плоскостях. На конференции, организованной одним из авторов статьи Пьером Шабалем в Бишкеке в июне 2018 г., по материалам которой издали книгу на английском языке, был проведен четкий анализ того, как в ЕАЭС используется цифровая и электронная коммерция, которые были необходимы для успеха Союза. Здесь явна конкуренция между строительством институтов на региональном уровне в качестве средства коммуникации и техническим способом коммуникации. Строительство должно оставаться приоритетом над коммуникацией. Все же это региональное строительство само использует очень разрозненную институционализацию. Однако, как показывает пример Эстонии и других стран с высоким уровнем цифровизации, простого внедрения новых технологий может оказаться недостаточно для эффективного развития «прямой» демократии. Данный переход потребует адаптации существующих институтов под новые формы народного волеизъявления. Тем не менее большая популярность платформ по подаче онлайн-петиций типа *change.org* или *roi.ru* наглядно показывает что общественное мнение уже *de facto* использует отдельные формы прямого волеизъявления для защиты своих интересов. Тем не менее механизмы трансформации общественной онлайн-петиции в реальные политические шаги демонстрируют большую степень инертности существующих политических институтов при работе с новыми формами голосования и представительства.

Однако взаимосвязь между использованием новых технологий и демократической политикой является более сложной и оспариваемой, поскольку оценки воздействия на демократию зависят от модели демократии, к которой они относятся. Также имеются риски, связанные с противоречиями между улучшениями в реагировании политических институтов и расширением прямого участия граждан в государственных делах в сравнении с опасностью падения уровня политической дискуссии и общим падением интеллектуального уровня общественной дискуссии.

Выводы

Пессимистические оценки в отношении прямой «цифровой» демократии с учетом сложности современных обществ включают в себя рассуждения о том, что цифровые инструменты свели бы обсуждение общественно значимых проблем до поверхностного уровня. Помимо этого, широкое распространение социальных медиа привело к росту популистских тенденций в политике. Также цифровизация парадоксальным образом может усилить информационное неравенство и окажется неспособной противостоять растущему отсутствию политической мотивации среди граждан. В плане выдвижения политической повестки цифровые механизмы могут оказаться даже более концентрированными, чем традиционные средства массовой информации, и простота размещения информации не будет соответствовать возможностям их доведения до общественного внимания, создавая эффект «какофонии». Наконец, серьезной угрозой, которая привлекает особое внимание в связи с значительным распространением экстремистской повестки, является возросший потенциал радикализации и радикальной мобилизации в цифровой среде [6].

В заключение мы хотели бы напомнить о тонком упражнении, состоящем в «поставить технику принятия решений на службу идеалу участия». Сложность, вероятно, заключается во временной шкале, которая разбита на различные измерения. Тот факт, что демократия может развиваться, было доказано историей, но редко в краткосрочной перспективе.

Тем не менее новые коммуникационные технологии развиваются мгновенно. Именно столкновение современности, непосредственности и ускорения развития общества лежит в основе концептуальных проблем. Эта встреча является предметом описательных или количественных, но, разумеется, не очень качественных мнений. Возможна ли цифровая демократия (технически)? Да. Является ли она (политически) желательной? Ответ на этот вопрос можно получить в очень скором времени на основе грядущих политических событий и их цифрового отражения.

Список литературы

1 Favre P. La décision de majorité / P. Favre. — Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1976. — P. 13–14.

2 Madhavan Somanathan. India's electoral democracy: How EVMs curb electoral fraud / Madhavan Somanathan // Brookings Institution: India's Electoral Democracy Series, 2019. — URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2019/04/05/indias-electoral-democracy-how-evms-curb-electoral-fraud/>.

3 Geoffroy B. e-Estonia: the ultimate digital democracy? / B. Geoffroy // Medium CC BY 4.0. — 2018. — URL: <https://medium.com/@geoffroy/e-estonia-the-ultimate-digital-democracy-f67bc21a6114>.

4 Chabal P. Theorising regional change, especially in the case of the 'Shanghai cooperation' / P. Chabal // The challenge of change for the legal and political systems of Eurasia — the impact of the New Silk Roads / ed. by A. Cayol, Zh. Sairambaeva et P. Chabal. — Peter Lang, coll. Cultures Juridiques et Politiques à paraître en 2020.

5 Chabal P. La coopération de Shanghai: conceptualiser 'la nouvelle Asie' / P. Chabal. — Presses Universitaires de Liège, 2019.

6 Lindner R. E-Democracy: Conceptual Foundations and Recent Trends / Lindner R., Aichholzer G. // European E-Democracy in Practice. — URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-27184-8>.

П. Шабаль, Қ.Б. Беков

Тікелей сандық демократия заманындағы институционалды бәсекелестік

Азаматтар мен мемлекеттік институттар арасындағы қарым-қатынастың цифрлық құралдарын қолдану арқылы кеңейтілген және жалпыланған тікелей нысандардың пайда болуы қызықты теориялық сұрақ туғызады. Соңғы екі ғасыр бойы парламенттің өкілдері өздерінің өкілеттік мандатын сақтап келгенімен, «азаматтық бастама» бойынша электронды дауыс беру және референдум («халықтық дауыс беру» деп аталатын) бірдей болатын тікелей демократияның мүмкіндігін көрсете алатын көрінеді. «Тікелей демократия» мен «өкіл мандаты» арасындағы парадокс зерттеуге тұрарлық қызық мәселе болып табылады. Бұл демократиялық қоғамдық институттар жұмысының техникалық дамуы туралы ма? Немесе өзгерістер мен басқарудың басқа тәсілдеріне саяси көшу туралы? Екінші жағдайда, біз тарихи даму барысында адамзат конституционализммен шектелген монархиялық жүйені ойлап тапқан кездегі қарқындылығының өзгеруін, содан кейін монархияның орнына республика, содан кейін жалпыхалықтық дауыс беру нәтижесінде жалпыға бірдей сайлау құқығы пайда болып, бұрын болмаған өкілділік деңгейіне жеткен еді және т.б. Ұсынылып отырған мақала мәселенің келесі құрылымын қолдана отырып, осы жаңа бағытты зерттеуді ұсынған: демократияның дамуындағы тарихи өзгерістерден жаңа қағидаттарды қабылдау осы «аймақтық құбылыс» аясында жүзеге асады деген қорытынды жасауға болады. Өкілдік демократиядан тікелей демократияға қайта оралу (электронды демократия түрінде), сөзсіз, тарихи дамудағы, географиялық орны мен цифрландыру деңгейіндегі айырмашылықтарға байланысты өзінің аймақтық ерекшелігіне ие болады.

Кілт сөздер: демократия, цифрландыру, басқару, электронды демократия, Еуразия.

P. Chabal, K.B. Bekov

Institutional competition in the age of direct digital democracy

The emergence of direct forms of interaction between citizens and state institutions, which have become possible and widely generalized using digital means of communication, raises an interesting theoretical question. After two centuries, it seems that one can imagine the possibility of direct democracy, in which the electronic voting and referendum on the «civic initiative» (also known as «popular») will be the same, even if the representatives of the parliament retain their representative mandate. This paradox between «direct democracy» and the «representation» deserves to be considered. Is it about the technical development of the functioning of public institutions? Or about political transition to other ways of governance? This article proposes to study this new area using the following structure of the problem: from the historical shift in the development of democracy, we can conclude that the adoption of new principles will occur in the light of this «regional phenomenon». The supposed reverse transition from representative democracy to direct «digital» democracy will undoubtedly have its own regional specificity, due to differences in historical development, geographical location and level of digitalization.

Keywords: democracy, digitalization, governance, electronic democracy, Eurasia.